

УДК 304.2 (=512.157) + (512.211)
DOI: 10.17223/19988613/61/20

В.В. Ушницкий, С.А. Алексеева

ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ САХА И ЭВЕНКОВ

Статья посвящена проблеме взаимодействия между саха и эвенками. Изменение уклада жизни, переход от скотоводства к ведению охотничьего хозяйства и оленеводства способствовали изменению этноса. Имеются общие саха-эвенкийские этнические названия, созвучные со средневековыми тюрко-монгольскими племенами. С эвенками можно связать самоназвание «саха». Название «саха» в тунгусо-маньчжурских языках имеет цветное обозначение «черный» и «север».

Ключевые слова: саха; эвенки; этногенез; Сибирь; родовой состав; этнокультурные контакты; генетика.

Колонизация народом саха бассейна Средней Лены была логичным продолжением скотоводческой тюрко-монгольской экспансии в Сибирь. Магистральная культура якутов в XVII–XIX вв. заняла территорию, ранее занятую тунгусской магистральной культурой. Наложение одной магистральной культуры на другую привело к заимствованию элементов материальной и духовной культуры, появлению общих этнонимов и антропонимов в саха-тунгусской этнической среде и, как результат, к процессам этногенеза, которые изменили этническую карту Северо-Востока Сибири. Поэтому при изучении этногенеза саха при всем желании нельзя обойти тунгусскую тему.

Среди трудов по изучению этнической истории народов Якутии, пожалуй, нет равных исследованиям В.А. Туголукова, посвященным изучению эвенкийских родовых групп [1]. В них древняя этническая история огромного региона предстает как живая. Нет в них искусственных гипотез, свойственных многим этногенетическим работам, в том числе академического характера. В современной якутской идентичности термин «тонус» (в переводе с якут. – «мерзлый род») применяется по отношению к представителям оленеводческого типа хозяйства, независимо от их языковой принадлежности, в основном к якутоязычным. В то же время традиционная якутская культура, распространенная вплоть до Колымы и Индигирки, – чисто скотоводческая, связанная с табунным коневодством. Следует учитывать и то, что в Забайкалье и во Внутренней Монголии живут эвенкийские родовые группы, занимающиеся скотоводством. Тем самым ключевой вопрос тунгусского этногенеза заключается в том, какой тип хозяйства – скотоводство, оленеводство или охота – был изначальным для предков эвенков? К примеру, у вани Южного Забайкалья, считающиеся предками эвенков, были сначала скотоводами. Взаимосвязь тунгусов с тюрками и монголами, переход на тюркские и монгольские языки происходили еще в более южных регионах и могли способствовать появлению новых тюрко-монголоязычных этносов.

Такие же ассимиляционные процессы при участии подавляющего местного субстрата характерны для процессов этногенеза многих тюркских народов. Тюр-

ки, будучи кочевниками, проникали на новые территории, смешивались с коренным населением, порождая новые этносы. При изучении родоплеменного состава алтайских народов обращает на себя внимание наличие общих или схожих этнонимов, которые при желании можно отнести и к тюркам, и к монголам, к тунгусам. Это касается и происхождения названий якутских улусов: Хангалас, Мэнгэ, Хатылы, Нам, Борогон, Байаган-тай. Видимо, это связано с миграциями кочевых орд, активным смешением тюрков, монголов и тунгусо-маньчжуров. Данное обстоятельство можно использовать как контраргумент при опровержении доводов В.А. Туголукова и других о появлении якутских родов путем ассимиляции эвенкийских родовых групп. То есть, чтобы противостоять нападкам оппонентов, утверждающих об автохтонности якутского этноса, надо изучать их версии в подлинности.

Даже самоназвания якутов – саха и эвенкийское йако, исследователи связывали с тунгусскими языками. Этноним с корнем «саха» распространен на Дальнем Востоке. В маньчжурском языке существовали слова «саха», означавшие понятия «охота», «травля зверей», «облава», а термин «сахалынь» – «черный», «север», «весьма темный». В якутских легендах упоминается о проживании племени «сахаларов» до прихода предков саха на Среднюю Лену. Филолог Е.С. Сидоров их идентифицировал с поколением «дахань» китайских летописей [2. С. 41–42]. Это сопоставление неудачное, так как лексема «да» в китайском языке означает «большой», а «хань» – «народ», т.е. «большой народ», что идентично, предположительно, «да-шивеям» – «большим шивеям».

Цинские источники называют жителями Приамурья в XVII в. народности сахарча, солон, сахалынь. В маньчжурских источниках в сахалынях и сахарча исследователи видят солонов или дауров [3; 4. С. 54]. По словам В.В. Подмаскина, в древности одним и тем же словом называли и племя, и закрепленную за ним территорию, и главную реку, по ней протекающую. Гидроним «Сахалан» с маньчжурского переводится как «черный», а «саха» – как «север». Исходя из этого, он производит название хребта Сихотэ-Алинь и острова Сахалин и, вероятно, этнонима «саха» [5; 11. С. 189].

Действительно, на реке Сахалан-Ула (нынешний Амур) проживало племя сахалынь-мохэ (черноречных).

В XVII в. среди телембинских и селенгинских эвенков упоминался род йокогир. Этноним образован от эвенкийского йоко – «якут». В.А. Туголуков считает вероятным существование раннего этнонима «йокогир». В документах XVII в. упоминаются в Прибайкалье род «икогир», на Амуре – «якагары». Потомки йокогиров угадываются в позднейших «йоколах» баргузинских эвенков-скотоводов. Происхождение всех этих этнонимических групп В.А. Туголуков связывает с якутами [1. С. 233].

Е.М. Залкинд, ссылаясь на эвенкийское предание, писал, что тунгусы рода Йокол – самые древние среди баргузинских «мурченков» и что фактически они представляют собой челкогиров, имевших название «йокол», полученное ими ввиду того, что их предки – выходцы из Якутии (цит. по: [1. С. 240]). Весьма интересно, что Орел считается символом рода Челкогир, члены которого остерегались убивать эту птицу [1. С. 240]. Балакагир не убивали лебедя и орла, причем первого они считали «символом» своего рода [Там же. С. 229].

В эвенкийском роде някугир, жившем в XVII в. в Забайкалье, некоторые исследователи видят малочисленную остаточную группу якутов-саха, ассимилированную эвенками, название которых произошло от слов «якол», «якогил». Следует отметить, что они были пещными охотниками и рыболовами, растворившимися среди позднее пришедшего рода конных эвенков – шемагиров [6. С. 11, 19].

В могущественном Хулуньском объединении феодальных владений Маньчжурии главенствующую роль играло княжество Ехэ. Крайне любопытно, что, как отмечено в «Нурхаци шилу», «родоначальником ехэ был монгол аймага тумот...» [4]. В то же время название родов ехэ среди тунгусских этносов считается происходящим от этнонима «якут-йако». Возможно, этнонимы «ехэ» или «йако» относились сначала к туматам – уроженцам Прибайкалья. Следовательно, термин «йакут-якут» является древней формой с типично монгольским окончанием -ут.

Название «йокогир» ~ «якогил (якол)» баргузинскими эвенками переводится как «якутский род, якутское поколение», поэтому тунгусский род никогиры / някугиры ~ йокогиры / якогилы считается частью якутов, ассимилированных эвенками Северного Прибайкалья. Носители этнонимов «ехэ» или «экэ» считались идентичными йокогирам или якогилам. Някугиры или никогиры были отмечены в составе не только баргузинских эвенков (йокогир, якогил, якол, экэ), но и киренгских тунгусов (никогиры), которые также именовались икогирами (ср.: йокогир, якогил). Учитывая сведения собирателя бурятского фольклора С.П. Балдаева о происхождении нэхэлэевского рода от якутов, Е.В. Павлов предположил, что нэхэ в этнониме-генониме «нэхэлээ» восходит к эвенкийскому «нека» – «якут» [7. С. 90].

Тюркским компонентом в этническом составе саха считается род хангалас, представители которого, выйдя из среднеленских долин, заселили Виллой, Олекму, Верхоянские горы, Колымский край и северо-западную тундру. Наличие этнонима «кангалас» в тунгусской среде вносит путаницу в этническую картину, связывающую этногенез саха с тюркскими народами. В конце XIX в. выражение «семь Кангалатских родов (Кангагирский)» употреблял П.П. Шимкевич [8. С. 12]. Этноним «канагир» (варианты «кагасил», «какыгыр», «какагил», «качагын») является транскрипцией известного тунгусского этнонима «нанагир» и часто служил обозначением кангаласских тунгусов. Согласно В.А. Туголукову, нанагиры вошли в контакт с якутами еще в то время, когда те продвигались от Байкала в область Средней Лены, затем, будучи ассимилированными якутами, ленско-олекминские нанагиры составили ядро Кангаласской волости якутов в XVII в. Далее В.А. Туголуков отмечает, что в якутском языке слово «кангалас» стоит особняком среди других лексических единиц [1. С. 126]. В словаре якутского языка Э.К. Пекарского слово «ханалас» переводится как «гусь-стервятник», «гусь» [9. С. 310].

В.А. Туголуков считает, что слово «кангалас» отражает якутское произношение этнонима «нанагир» и замечает, что эвенки произносят это слово по-своему – как канагир (кангагир), заменяя якутское -лас на эвенкийское -гир. По его полевым данным, этноним «канагир» («кангагир», «канагиль», «канаги») до сих пор бытует на значительной территории расселения восточных эвенков [1. С. 127]. И.И. Майнов считал, что название «Хангагын», «каким в старину обозначали себя кангаласцы», было племенным [10. С. 169].

Однако нас удивляет то обстоятельство, что в документах XVII в. нет никаких известий о тунгусах кангаласского рода. Таким образом, непонятно, как в XVIII–XIX вв. известные всем нанагиры вдруг превратились в кангаласцев. Ответ на этот вопрос дает сам В.А. Туголуков. Так, у него название раздела звучит: «Заселение региона виллойскими эвенками в XVII–XVIII вв. (кангаласские эвенки)». Как известно, со второй половины XVII в. в Виллой стали мигрировать якуты Кангаласского рода, неоднократно устраивавшие восстания против воеводской власти. В.А. Туголуков пишет о том, что далее стало происходить: «Оформление якутских подгородных и олекминских эвенков в Кангаласскую инородческую управу Восточно-Кангаласского улуса» [1. С. 131]. Таким образом, кангаласцы в составе алдано-олекминских эвенков – это общее племенное название тунгусских мигрантов из Виллой и пределов Восточно-Кангаласского улуса, а не отунгушенных выходцев из якутских волостей. В состав семи родов кангаласцев входили носители чисто тунгусских родовых названий «денма», «баягир», «буллет», «нюрмаган», «сологон» и сами «нанагиры». Согласно В.А. Туголукову, выход кангаласцев на Амур состоялся в начале XIX в. Именно их называли ороченями, так как

они были оленеводами. Они же и составили основу эвенков КНР, которых именуют ороченами и якутами. Следовательно, амурские якуты, которые вышли в основном из кангаласского рода – имеют эвенкийское происхождение.

Название якутского рода байагантай сравнимо с одним из самых многочисленных, широко распространенных тунгусских родов баягир. Этноним «баягир», несомненно, имеет отношение к тюрко-монгольскому и тунгусскому бай, байан, баян – «богатый» [1. С. 230]. Предками баягиров, как и якутских баайага, могут быть выходцы из наиболее северного телесского племени байегу. Байегу и уйгурское племя иологэ политически были связаны с древними уйгурами [Там же. С. 23].

Название крупнейшего якутского рода нам сопоставимо с именем намятского (намясинского) рода конных эвенков Южного Забайкалья XVII в. Намяты, кочевавшие по баргузинской степи, в 1675 г. ушли за Аргунь. Часть намятов, откочевавших в Монголию, начали возвращаться в Забайкалье в первой половине XVIII в. Б.О. Долгих [3. С. 314], а вслед за ним и А.С. Шубин усматривали в этнониме «Намят» тунгусское *ламу* ~ *наму* – «море» [6]. Согласно А.С. Шубину, этноним должен переводиться как «приморские» [1. С. 18].

По утверждению В.А. Туголукова, слово «нам» в указанном значении свойственно эвенскому, а не эвенкийскому языку. Он не был согласен с тем, что данный термин лежит в основе этнонима «намят». Поэтому стал выводить данный этноним от эвенкийского *нама* – «сто», «сотня». Это, по его мнению, позволяет видеть в намятах военно-административный род, конную сотню. Указанная единица могла входить в состав монгольского войска [Там же. С. 250].

Согласно В.А. Туголукову, в 1630 г. хатагины были обнаружены русскими на р. Алдан, ниже устья р. Мая, где и была образована «Каталинская» (по-якутски Хатылынская) ясачная волость. В хатагинах он видит представителей монгольского племени хатагин, имеющих тюркское происхождение [Там же. С. 258]. Видимо, якутские хатылы и северные хатыгыны – обьякученные тунгусы – имели единое происхождение, восходящее к монгольскому племени хатагин.

С.А. Федорова на основе идентичности женских хромосом якутов и эвенков утверждала о принадлежности прародителя саха Омоя к эвенкам, а не к бурятскому этносу [11]. Действительно, многие элементы языка и культуры якутов говорят о возможности их происхождения в результате тюркизации эвенкийских групп. Так, хомус, мухлен на языке народов Внутренней Монголии – мухлен, считается национальным инструментом эвенков Китая, как и якутов, издревле им свойственным (Внутренняя Монголия, Эвенкийский национальный хошун, г. Наньтунь). У амурских эвенков, по материалам А.И. Мазина, есть сэргэ – тотемное, шаманское дерево, аналогичное коновязи – сэргэ – якутов. У эвенков имеется древний хороводный танец дьуохар; можно предположить, что в нем кроются ис-

токи бурятского еохора и якутского осуохая. Якутское олонхо, рассказываемое речитативом, близко к эвенкийскому нимгнакану.

Если принять за основу тунгусское происхождение якутских этнонимов, то как можно объяснить происхождение тюркоязычных якутов, основываясь на известных нам китайских и других письменных источниках о народах Севера? Так, китайские источники свидетельствуют о наличии скотоводов в северных территориях. Согласно им дахани – «большой народ», имели мало скота, больше пушнины. Рядом с ними жили племена гуй и увань, в которых принято видеть предков тунгусов. Вероятно, дахани и да-шивеи – «большие шивеи» – были одним и тем же народом. У да-шивеев был «никому не понятный язык», возможно, они говорили на сложных тунгусских языках. Да-шивеи в VII в. через Витимо-Олекминский бассейн проникли на территорию Амура, вытеснив шивейские племена, возможных предков монголов. Видимо, тогда начались этнокультурные контакты между тунгусами и монголами, так как в их составе оказались роды со схожими названиями. К ним можно отнести баягиров, иологигов, хатагинов, сартолов, улятов. К да-шивеям бежал последний уйгурский хан Энень-Тегин вместе с четырьмя уйгурскими племенами. К ним, предположительно, относятся баягиры, хатагины, иологиры и, возможно, кангаласцы, происходящие от гаогуй (канглы). Часть да-шивеев была отуречена, дав начало тюркоязычным саха. Основателем такой гипотезы можно считать Г.В. Ксенофонтова. Это гипотезу можно смело опровергнуть тем фактом, что материалы о бытовании якутской кулун-атахской культуры на Средней Лене ограничиваются XIII в.

Другим средневековым племенем, которое считается результатом тюрко-тунгусского симбиоза, близким и к монголам, можно назвать меркитов. Тюркоязычные меркиты могли оказать этнокультурное влияние на подвластное эвенкийское население таежной зоны Баргузино-Витимского плоскогорья. В результате этих процессов на протяжении XII–XIV вв. мог образоваться тюркоязычный якутский этнос. Возможно, именно они были известны под именем мекритов.

В Баргузинской долине, по эвенкийским сказаниям, вместе жили якуты, баргуты и эвенки. От первых остались роды някугир, якол, вошедшие в состав баргузинских эвенков. Там распространены предания о племени бекри, с которым предки эвенков воевали. Исследователи видят в них меркитов или мекритов. Постольку те под именем «вокарай» также вошли в состав витимских эвенков, то их следует отождествить с конными эвенками. Возможно, именно отуреченные бекри стали известны как якуты.

В эвенкийском фольклоре рассказывается о конных вокороях, вооруженных железными пиками, защищавших лица железными масками. Нападая на эвенков, они убивали мужчин и мальчиков, а женщин и девочек уводили с собой. Борьба между вокороями и эвенками

«продолжалась столетиями». Согласно М.Г. Воскобойникову, все роды баунтовско-витимской тайги объединились в единый народ, противостоявший вокороям [12. С. 19, 35–36]. По материалам П. Малых, эвенки-оленоводы изображаются как орочены, а их противники вокорой – как тунгусы [13. С. 69]. В этом В.А. Туголуков видит противопоставление оленных и скотоводческих групп эвенков [1. С. 170].

В предании, записанном А.А. Дзевенисом, у кангаласцев «завоеватели» изображаются следующим образом: у них «даже рога выросли от жадности и крови людей, которых они убили. Эти злые люди были вооружены железными мечами и щитами, а у эвенков были деревянные копы и мечи да кожаные щиты» [Там же. С. 170].

По предположению В.А. Туголукова, часть вокороев еще до появления русских мигрировала из Северного Забайкалья в более северные районы Сибири [Там же. С. 170–172]. Также он считает, что, несомненно, «вакарай» или «вокорой» – эвенкийская огласовка более древнего тюркского этнонима «меркит». В свою очередь, в тюрко-монгольских этнонимах «мекри» и «мукрин» принято видеть представителей этноса, известного в китайских хрониках под именем «мохэ». Именно мохэ принято считать этническими предками не только чжурчженей, но и тунгусов. Следовательно, вакараи – меркиты могли быть изначальным тунгусоязычным этносом, который принес тунгусский язык на Север Сибири. Часть их, известная под именем «меркиты», находясь долгое время в тюркском окружении, видимо, давно была отуречена и в таком виде подверглась еще и влиянию монгольских языков.

С.А. Федорова подчеркивает, что более половины совпадающих мт-линий между якутами, эвенками и эвенами относятся к базовым ветвям гаплогрупп С и D, являясь общими для многих популяций Сибири. Для того чтобы определить, является ли это результатом недавних процессов интенсивного смешения территориально близких этносов или, скорее, отражает наличие древнего генетического субстрата, общего для народов прибайкальского происхождения, необходимо проведение исследований особенностей брачной структуры популяций якутов и эвенков. Высокую степень совпадения STR-гаплотипов между популяциями якутов, эвенков и эвенов она объясняет интенсивным переносом N3-линий из популяций якутов к эвенкам и эвенам и слабым обратным потоком C3c-гаплотипов от эвенков к якутам [11]. В этнографических исследованиях отмечалось, что мужчины-якуты часто женились на эвенкийках, тогда как женщины-якутки редко выходили замуж за эвенков [14].

Генетики констатируют о генетической близости якутов именно с забайкальскими конными эвенками. «Малое содержание гаплогруппы R1a1y якутов может свидетельствовать о том, что тюркский язык был приобретен ими извне, возможно, в результате культурного доминирования пришлой тюркоязычной элиты. Авторы исследования считают, что, скорее всего гаплогруппу N3a тюркоязычные предки саха и эвенков при-

обрели относительно недавно, извне, с территории, близкой к Байкалу, что показывают результаты генетического тестирования эвенков, проживающих в Забайкалье» [15. С. 230].

В этой связи помимо меркитской гипотезы можно выдвинуть урянхайскую гипотезу. Следует указать, что этнограф Г.М. Василевич собрала материалы, свидетельствующие о том, что «уранкай» и «эвенки-уранхай» были самоназваниями древних эвенков [16. С. 65–77]. По устным сведениям исследователя эвенкийского фольклора Г.И. Варламовой (Кэптукэ), в эвенкийском языке употребительно устойчивое словосочетание «аи-уранкай», имеющее значение «настоящий человек, истинный человек», к которым относятся жители верхнего и среднего миров.

Можно обратить внимание и на тот факт, что эвенкийские и якутские сказания под словом «уранкай-ураанхай» имеют в виду удалого человека или просто обитателей известного им мира людей. Так, эвенкийские информаторы Г.М. Василевич дали такие сведения о термине уранкай: «У меня нет никакого скота, я уранкай», «ведь должны же быть уранкай, похожие на нас», «я знаю уранкаев всех трех земель», «от какого уранкай ты произошел», «давно, давно, когда уранкаев не было» [Там же. С. 63].

По утверждению Г.В. Ксенофонтова, якутские уранхай принадлежали к тунгусским племенам Маньчжурии, но еще в древности утратили свои этнические признаки и усвоили целиком турецкий язык и культуру [17. С. 186–187]. Он предполагал, что этноним «уранкай» вошел в язык саха в процессе ассимиляции тюркоязычными саха аборигенов края тунгусов или эвенков. Сторонники тунгусского происхождения этнонима «ураанхай» выводили происхождение этнонима «урянхай» от слов *орон* – «олень» [Там же], или *урэнкэн* – «житель горной тайги» [16. С. 65–67].

Г.В. Ксенофонтов обратил внимание на рассказы о «старике Урааныкаане», распространенные у саха Верхоянского, Верхневилуйского и Жиганского улусов. В этом имени он видел древний вариант слова «ураанхай» и подчеркивал тот момент, что Урааныкаан был исключительно охотником и рыболовом, питался только «вонючей рыбой да сухими зайцами» [17. С. 178]. Весьма популярную и распространенную поговорку «Саха саара, ураанхай буура» Г.В. Ксенофонтов перевел как: «(То же что) у саха вол, у урянхайцев – олень-самец». Таким образом, саха почитали быка, а ураанхайцы – оленя-самца. Отсюда Г.В. Ксенофонтов сделал вывод о том, что «когда-то в глубокой древности первичное ядро народа урааныкаан или ураанхай состояло из оленеводов» [Там же. С. 180].

Весьма любопытно, что Г.М. Василевич на основе китайских источников сделала вывод о том, что еще в X в. одни уранкай были оленными охотниками, подтверждает гипотезу о том, что уранкай – горно-таежные охотники тунгусы, а другие уранкай могли

вести скотоводческое хозяйство; это были те урянхай, которые давали дань крытыми носилками [16. С. 77].

Однако урянхайцы в летописях китайских династий упоминаются под именами улянга, волянга, и нет сведений об их связи с курыканами. Например, в китайской летописи урянхаец (волянга) нарисован в короткой, распашной, меховой одежде, в коротких штанах, к переду которых прикреплен передник из листьев, с босыми ногами, а курыканы и туматы, «подобно татарам», изображались в длинных халатах и сапогах [Там же. С. 65–77]. Таким образом, древние урянхайцы принадлежали к тунгусо-маньчжурской этнической среде, затем под этим именем становятся известны тюркские и монгольские племена.

Целые эвенкийские роды переходили на якутский язык и ведение скотоводческого хозяйства. Виллюйские якуты произошли в результате синтеза выходцев из Центральной Якутии – в основном кангаласцев из родов джархан и бордонг – и местных эвенкийских родов. Об этом свидетельствуют и названия улусов, имеющих эвенкийское происхождение, например: Сунтаар про-

изошло от названия озера, образованного от тунгусского слова в значении «глубокое»; Нюрба – от имени тунгусского рода ньурбачаан; Бюлюю (Виллой) – возможно, от имени рода буляши (булэн). Многие этнографы писали об объединении тунгусов с якутами на территории Якутии. Так, по происхождению эвено-эвенкийскими улусами считаются Жиганский (от имени эвенкийского рода эдьигээн), Олекминский, Усть-Майский, Оймяконский, Аллаиховский и Анабарский.

Таким образом, еще южные предки саха могли иметь глубокие этнические связи с тунгусо-маньчжурскими народами. Проживая рядом, они могли вступать в этнические контакты с предками тунгусо-маньчжурских народов. Изначальное тунгусо-маньчжурское этническое происхождение могли иметь носители этнонимов «меркит» («мекрит»), «урянхай» («ураанхай»), «байырку» («баегу»), которых затем включили в состав монгольских и тюркских народов. Именно в результате таких взаимных ассимиляционных процессов и мог образоваться народ саха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Туголуков В.А. Эвенки Восточной Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Сибирские промыслы, 2013. 352 с.
2. Сидоров Е.С. Этноним саха // Этническая ономастика. М., 1984. С. 41–43.
3. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Наука, 1960. 600 с.
4. Мелихов Г.В. Маньчжуры на северо-востоке. М.: Наука, 1974. 246 с.
5. Подмаскин В.В. Проблема этногенеза и этнической истории тунгусо-маньчжуров: по материалам народных знаний (XIX–XX вв.) // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения). Владивосток: Наука, 2008. С. 182–205.
6. Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 108 с.
7. Павлов Е.В. Реконструкция генезиса западно-бурятского (эхиритского) рода нэхэлэ: к проблеме интерпретации взаимодействия раннеякутских этнических групп и предбайкальских бурят // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста, 2008. Вып. 2. С. 85–91.
8. Шимкевич П.П. Современное состояние инородцев Амурской области и бассейна Амгуни // Приамурские ведомости. 1895. № 65–66.
9. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 13 т. СПб.; Пг.; Л., 1907–1930. 726 с.
10. Майнов И.И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. Иркутск, 1898. 214 с.
11. Федорова С.А. Генетические портреты народов Республики Саха (Якутия): анализ линий митохондриальной ДНК и Y-хромосомы. Якутск, 2008. 235 с.
12. Воскобойников М.Г. Эвенкийские народные предания – улгурил // Языки и фольклор народов Крайнего Севера. Л., 1965. С. 66–73.
13. Малых П. Несколько слов о орононах и их фольклоре // Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л., 1936. С. 134–142.
14. Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Ассоциация «Российская политическая энциклопедия», 1993. 736 с.
15. Харьков В.Н., Степанов В.А., Медведева О.А., Спиридонова М.Г., Максимова Н.Р., Ноговицина А.Н., Пузырев В.П. Происхождение якутов: анализ гаплотипов Y-хромосомы // Молекулярная биология. 2008. Т. 42, № 2. С. 226–237.
16. Василевич Г.М. Урянхай-эвенки // Доклады по этнографии. Л., 1966. Вып. 3. С. 59–93.
17. Ксенофонов Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Якутск: Бичик, 1992 (1937). Т. I, кн. I. 416 с.

Vasily V. Ushnizkiy. Institute of humanitarian studies and problems of small peoples of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia). E-mail: voma@mail.ru

Sardaana A. Alekseeva. Institute of humanitarian studies and problems of small peoples of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia). E-mail: alexeeva_sar@mail.ru

PROBLEMS OF INTERETHNIC INTERACTION BETWEEN SAKHA AND EVENKS

Key words: Saha; Evenks; ethnogenesis; Siberia; generic composition; ethno-cultural contacts; genetics.

This article examines the interaction between Sakha and Evenks. Researchers always paid attention to the proximity of ethnonyms between the two peoples. The self-name of Sakha is associated with the words Sakhalian, Saharan in the Tungus-Manchu languages with the meaning of “hunting”, “hawking”, “raiding”. With the name of the Yakuts, carriers of Evenk ethnonyms yokohir ~ kakagil (yakol) in the north of Lake Baikal are compared.

The ethnonym uranhai is the old self-name of the Sakha people. G.V. Ksenofontov believed that the name of Urahanhai was included in the composition of the Sakha, during the assimilation of the Evenki Sakha by the ancestors. G.M. Vasilevich collected materials proving that the terms “urankai” and “Evenki-uranhai” appeared as a self-name of the Evenks of Transbaikalia.

It was also noted the presence of genera with the name kangalas among Sakha and Evenks of Priamurye. The authors conclude that the Kangalas in the Aldan-Olekma Evenks are a common tribal name, the Tungus migrants from Vilyui and the limits of the East Kangalassi ulus. The name of the Yakut clan of Bayagantai is comparable to the name of one of the most numerous and widely distributed Tungusic genus Bayaghir. The ancestors of Bayaghir, as well as the Yakut baaiga, may be from the northernmost Teles tribe of Bayegh. The name of the Yakut clan is comparable to the name of the Namyat (Namyasin) clan of equestrian Evenks of the Southern Transbaikalia of

the 17th century. The information of the Evenk folklore about the horse-breeding people is interesting, which were assimilated by the vokar. They tend to see the Turkic or Mongolian tribe of Merkit.

The change in the way of life, the transition from cattle breeding to the management of hunting and reindeer husbandry, led to a change in ethno-consciousness. Thus, appeared Yakut-speaking Tungus reindeer herders and Tungus-speaking generic groups with Yakut ethnonyms. Entire Tunguska births passed to the Yakut language and cattle breeding. So the origin of the ethnic group of the Vilyui Yakuts is related to the migration of people from Central Yakutia - mostly kangalas by local Evenk clans. Many ethnographers wrote about the merger of Evenk groups with the Yakuts in the territory of Yakutia. Entire areas of Yakutia were formed as a result of such ethnic interaction. The Tunguso-Yakut mixed origin has an indigenous population of Zhigansky (on behalf of the Evenk genus edygene), Olekminsk, Ust-May, Oimyakon, Allaikhovsk and Anabar districts.

However, even the southern ancestors of the Sakha could have deep ethnic ties with the Tungus-Manchurian peoples. The Turkic-Mongolian ancestors of the Sakha, living side by side, could enter into ethnic contacts with the ancestors of the Tungus-Manchurian peoples. The original Tungus-Manchurian ethnic origin could have carriers of ethnonyms merkit (mekrit), uranyhai (uraanhai), bayyrku (baegu), which were then included in Mongolian and Turkic peoples.

REFERENCES

1. Tugolukov, V.A. (2013) *Evenki Vostochnoy Sibiri i Dal'nego Vostoka* [The Evenks of Eastern Siberia and the Far East]. Krasnoyarsk: Sibirskie promysly.
2. Sidorov, E.S. (1984) Etnonim sakha [The ethnonym 'Sakha']. In: Dzharilgasinova, R.Sh. & Nikonov, V.A. (eds) *Etnicheskaya onomastika* [Ethnic onomastics]. Moscow: Nauka. pp. 41–43.
3. Dolgikh, B.O. (1960) *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII v.* [Tribal composition of the Siberian peoples in the 17th century]. Moscow: Nauka.
4. Melikhov, G.V. (1974) *Man'chzhury na severo-vostoke* [Manchus in the northeast]. Moscow: Nauka.
5. Podmaskin, V.V. (2008) Problema etnogeneza i etnicheskoy istorii tunguso-man'chzhurov: po materialam narodnykh znaniy (XIX – XX vv.) [The problem of ethnogenesis and ethnic history of the Tungus-Manchu: on the basis of folk knowledge (the 19th – 20th centuries)]. In: Dyakova, O.V., Sidorenko, E.V. & Shavkunov, V.E. (eds) *Tunguso-man'chzhurskaya problema segodnya (Pervye Shavkunovskie chteniya)* [Tungus-Manchu problem today (The First Shavkunov Readings)]. Vladivostok: Nauka. pp. 182–205.
6. Shubin, A.S. (1973) *Kratkiy ocherk etnicheskoy istorii evenkov Zabaykal'ya* [A Brief Sketch of the Ethnic History of the Transbaikalia Evenki]. Ulan-Ude: Buryat. kn.izd-vo.
7. Pavlov, E.V. (2008) Rekonstruktsiya genezisa zapadno-buryatskogo (ekhiritskogo) roda nekehelee: k probleme interpretatsii vzaimodeystviya ranneyakutskikh etnicheskikh grupp i predbaykal'skikh buryat [Reconstruction of the genesis of the West Buryat (Ekhirite) Nehelee: on interpreting the interaction of the Early Yakut ethnic groups and the pre-Baikal Buryats]. *Problemy etnogeneza i etnicheskoy kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov*. 2. pp. 85–91.
8. Shimkevich, P.P. (1895) Sovremennoe sostoyanie inorodtsev Amurskoy oblasti i basseyna Amguni [The non-Russians in Amur Region and the Amguni basin]. *Priamurskie vedomosti*. 65-66.
9. Pekarsky, E.K. (1907–1930) *Slovar' yakutskogo yazyka: v 13-t.* [Dictionary of the Yakut language: in 13 vols]. St. Petersburg; Petrograd; Leningrad: [s.n.].
10. Maynov, I.I. (1898) *Nekotorye dannye o tungusakh Yakutskogo kraya* [Some data on the Tunguses of the Yakutsk Territory]. Irkutsk: P.I. Makushin.
11. Fedorova, S.A. (2008) *Geneticheskie portrety narodov Respubliki Sakha (Yakutiya): analiz liniy mitokhondrial'noy DNK i Y-khromosomy* [Genetic portraits of the peoples of the Republic of Sakha (Yakutia): analysis of mitochondrial DNA and Y-chromosome lines]. Yakutsk: SB RAS.
12. Voskoboynikov, M.G. (1965) Evenkiyskie narodnye predaniya – ulguril [Evenki folk legends – ulguril]. In: Voskoboynikov, M.G. (ed.) *Yazyki i fol'klor narodov Kraynego Severa* [Languages and folklore of the peoples of the Far North]. Leningrad: State Pedagogical Institute. pp. 66–73.
13. Malykh, P. (1936) Neskol'ko slov o orochonakh i ikh fol'klore [A few words about the Orochons and their folklore]. In: Alkor, Ya.P. (ed.) *Sbornik materialov po evenkiyskomu (tunguskomu) fol'kloru* [Collection of materials on Evenki (Tungus) folklore]. Leningrad: Institute of the Peoples of the North. pp. 134–142.
14. Seroshevsky, V.L. (1993) *Yakuty: Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts: An Ethnographic Study]. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN.
15. Kharkov, V.N., Stepanov, V.A., Medvedeva, O.A., Spiridonova, M.G., Maksimova, N.R., Nogovitsina, A.N. & Puzyrev, V.P. (2008) Proiskhozhdenie yakutov: analiz gallotipov Y-khromosomy [The origin of the Yakuts: analysis of the Y-chromosome gallotypes]. *Molekulyarnaya biologiya – Journal of Molecular Biology*. 42(2). pp. 226–237.
16. Vasilevich, G.M. (1966) Urankai-evenki [The Urankai Evenks]. *Doklady po etnografii*. 3. pp. 59–93.
17. Ksenofontov, G.V. (1992) *Uraankhay-sakhalar. Ocherki po drevney istorii yakutov* [Uraanhai Sahalar. Essays on the Yakut ancient history]. Vol. 1. Yakutsk: Bichik.